

„Документальная переписка Москвы с Доном, — как отметил А. С. Орлов, — местами очень литературна. Тон московских грамот заботливо выработывался... с 20-х гг. XVII в. формалистика московских грамот заостенела. Выработались деловые, сухие шаблоны и установилось их однообразное повторение. Шаблоны выработались и у казаков. Но донская жизнь, полная случайностей и неожиданностей, жизнь боевая, постоянно прорывала сеть канцелярщины, в которой стали было навязывать казаки“.¹

К этим справедливым замечаниям А. С. Орлова следует добавить, что канцелярия Войска Донского, с одной стороны, не столько выработывала какие-либо свои шаблоны официальной речи, сколько усваивала и повторяла формулы царских грамот, а с другой, — широко вводила в отписки и порой закрепляла в своем обиходе неоднократным повторением некоторые элементы образной литературной и, особенно, живой казачьей речи.

Для правильного понимания литературных особенностей переписки Москвы с Доном нужно отметить, что в первой половине XVII в. Посольский приказ имел в лице Войска такого же необычного и своеобразного корреспондента, как и царь имел в его лице беспокойного и непокорного вассала.

Казаки считались подданными русского царя и официально всегда именовали себя его „холопами“. Однако в то же время они объединялись в своеобразную „республику“ — демократическую самоуправляемую военную общину, сносившуюся с Москвой через Посольский приказ, как иностранное государство. У Войска вообще „были все признаки, которые почитаются... необходимыми для государства“.²

Войско Донское отправляло в Москву своих представителей — легкие и зимовые станицы. „А как они к Москве приезжают, — свидетельствует Г. Котошихин — и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям“.³ Казаков, как иностранных послов, допускали „видеть царские очи, быть у руки“ и „у стола“, а потом еще „давали жалованье царское и поденный корм“.⁴ Войско постоянно пускалось и в самостоятельные дипломатические переговоры с крымским ханом, с Персией, с турецким Азовом, ногайцами, запорожскими — „королевскими“ казаками, а через них иногда и с Польшей.⁵

В царствование Михаила Федоровича после недавней эпохи „Смуты“, когда казаки примыкали к войскам самозванцев, борьба правительства с независимостью Войска только начиналась. „Отдаленность Дона от

¹ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 20—21.

² С. Тхоржевский. Донское войско в первой половине семнадцатого века. (Русское прошлое. Исторические сборники, № 3, Л.—М., 1923, стр. 25).

³ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд., СПб., 1906, стр. 135.

⁴ В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в., СПб., 1889, стр. 40; см. Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 249. Русск. ист. библи. т. XVIII, СПб., 1898.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 34; С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 17—25; Ч. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 62.